

Артур Шайбаков

ЛИКИ ВРЕМЕНИ

Повесть

От автора

Два лица – два лика времени.

Вспоминается ставшее уже расхожим: «лицом к лицу, лица – не увидеть». Но это, на мой взгляд, не совсем верное утверждение. Люди и ситуации, о которых вы прочитаете в этой повести, знакомы, я полагаю, любому профессионалу-розыскнику. Вместе с тем, произведение не строго документально и образы героев во многом собирательны. Роднит их, помимо всего прочего, одно – верность долгу.

Может быть, повествование покажется кому-то неровным по стилю и ритму, но сделано это намеренно, потому что, согласитесь, шестидесятые и девяностые годы двадцатого века – это, по сути, разные эпохи и в художественном отношении требуют различной эстетики и поэтики.

ЧАСТЬ I.

196 ... г.

I

Светало... Тени уходящей ночи вязли в изгибах зданий и тесноте тротуаров, прятались в блестящих листьях, чтобы исчезнуть совсем, скрашивая бледность наступающего дня. «Наверное, не последнего», – подумал Иван Ольхович, нервно поводя плечами и поеживаясь то ли от утренней измороси, то ли пытаясь стряхнуть с себя сумятицу ночных переживаний. Утро, утро! Оно развенчивало все страхи, все-все абсолютно. Оставалась мысль: «живу». Ему почему-то казалось, что если и придут за ним, то непременно ночью, не обязательно темной или непогожей, как в детективах, а так, чтобы застать одурманенного беспокойным сном, беззащитного в сумеречных метаниях, сминающих тревогой полудрему.

Ах, как все хорошо начиналось! Для него. Была война, и отец Ольховича, впрочем, был он тогда не Ольхович, а Смолярчук, истово молился, прося у неведомого никому бога не то спасенья для семьи, не то лучшей доли от мутного

потока оккупации. Пришли они, немцы, не лютовали поначалу особо. Так, для острастки, постреляли в селе собак, собрали у бывшего сельсовета народ, выяснили, что коммунистов и чужаков нет, и, поставив Смолярчукова батьку старостой, уехали. Уклад жизни села, считай, остался прежним. Лишь иногда наезжал из района полицейский Полищук, пил до одури самогон у Смолярчуков да учил батьку, что с чужаками, коль в село забредут, делать. Учил, учил, – доучился. Как-то сентябрьской ночью появились в селе два красноармейца отбившиеся от своих, десятками мотавшихся в то время в приграничных лесах. Грязных, заросших, приветила их одинокая бабка Мария, сын которой и сам сгинул еще при поляках. Зажировали в ее подслеповатой, плохо беленой хатенке солдатики, в себя приходиться начали, и хлопцы молодые к ним потянулись. Так, из любопытства, про войну да немца узнать, не видали ведь ничего толком. Продолжалось бы, наверно, долго такое их житье-бытье, но на свою беду наученный Полищуком Смолярчуков батька возьми да и мотани в район. Вернулся обратно с Полищуком и еще двумя незнакомыми хлопцами, полициями, стало быть. Сунулись без опаски в Марьину хату, а батька первым, как же без него, – выстрелы оттуда, не спали солдатики, бдительны были. Модной она тогда была бдительность. Не стало батьки – прямо в сердце пуля вошла. Полищук с полициями сыпанули от хаты в разные стороны, жить-то хочется. Красноармейцы не стали, пока они в себя придут, дожидаться, в окно – и в лес, благо за селом начинался. Ищи теперь.

Ох, и люто Полищук бабку Марью бил, до смерти б забил, да набежавшие бабы не дали. Крик подняли.

Схоронили батьку, и стал неожиданно для себя Иван в семье старшим. А кроме матери и его, еще сестренки, две малолетки. Вот так-то вмиг все изменилось. Помнил о себе Смолярчук в том времени, как о сникшем враз с не по годам серым от переживаний лицом парубке, которому б не отца хоронить, а в играх хороводиться. Помнил еще ощущение какой-то отстраненности на похоронах, точно и не с ним это происходило, да женский плач. Тоскливо, как ни странно, не было, но в этой отрешенности копилось и оставалось в груди одно – злоба. На всех и вся: стенающую мать, цеплявшихся то за нее, то за него сестренку, на деловитых соседей, на этот пасмурный день похорон, в слякоти которого, казалось, исчезала заупокойная молитва. Эх, век бы такого не видеть, а в голове молнией мысль: «А как же я теперь? Я!». А потом, как проблеск в осенней хмари, нервный, отупляющий своей безысходностью разговор с Полищуком:

-Теперь, сынок, ты с нами, за батьку своего Советам мстить надо, кровью, кровью. Думай, хлопче. Да и мамке с девчатами полегче будет, у полиции все ж какая-никакая, а власть. Решайся!

Решился. Попал в Луцк. Те дни в памяти отчего-то смазались в бесконечную колонн, марширующих неизвестно куда людей в нелепых шинелях с винтовками на плечах и в криках луцкой пацанвы: «Шуцманы, шуцманы идут...». Ярче вспоминалась Тернопольщина, как въехали на подводе втроем вместе с братьями Барабухами в Кременец, приземистый такой, уютный городок. В штабе шуцбатальона – толкотня, ругань. Накануне двое полицейских в Белокринице, не поделив молодку, по пьянке начали друг с другом стреляться. Баловство получилось, поранились только, а шуму теперь до самого Тернополя. Смолярчука и зацепило шумом-то этим, да так, что

оказался он в Белокринице. Село большое, богатое, зеленое, горы и леса кругом, речки рядом, считай, Горынь и Случ. Жить можно было, и зажил.

Закрутилось все, связалось в бесконечный клубок хождений по хатам, где в самогонном смраде Иван, следуя многочисленным инструкциям, вбитым в его голову во время учебы в школе шуцманов, устанавливал контакты с замордованным от войны местным населением. Молод был, одним днем думал прожить. Ан нет, жизнь-то посуровой оказалась – как с обрыва в холодную воду. В окрестных лесах бандеровцы пошаливали, да партизаны какие-то завелись, поговаривали, что из самой Московии заброшенные. Покоя-то не было, поеживался временами Иванка, как уже успели его окрестить местные молодки, от тревоги какой-то необъяснимой. Утром почему-то особенно. Да, было. И испугался, и на Родину попросился. Знал бы, что там ждет, лучше б в Белокринице остался... Впрочем, что теперь вспоминать.

Забыть, забыть надо или забыться, стряхнуть с себя эту липкую паутину воспоминаний. Устал уже от них, еженощно терзаясь страхом, не простым, а, как ему мнилось, капроновым: словно в чулке сидишь, противно обволакивающим все поры организма и выдавливающим из него воздух. «К черту все, к черту, – подумал Иван. – На работу пора», и медленно побрел по улице к конторе геологоразведки, где в ожидании служебного автобуса уже переминались с ноги на ногу, покуривая и над чем-то гогоча, такие же работяги, как он. «Такие ли?», – усмехнулся Смолярчук. Впрочем, в этой жизни он был Ольховичем, Иваном Андреевичем, сорока лет от роду, рослым, крупным мужчиной, бригадиром забойщиков шахты «Покро». Человеком, известным в поселке, примостившемся на окраине города, выросшего вокруг медного гиганта. Поселке, населенном преимущественно бывшими оуновцами и лесными братьями с далекой отсюда Прибалтики, оставшимися доживать в этой знойной степи свои забубенные жизни, прикипевшие к месту, откуда – после войны и до пятьдесят шестого года накручивали свои сроки. Особый был лагерь, в основном для тех, кто с оружием в руках отбивался от светлого большевистского будущего, прибывшись, правда, к не менее отвратному для них фашистскому новому порядку. Отвратный не отвратный, а поначалу служили-то на совесть, потом уж и с ними малость повоевали, хотя так, для острастки больше. Лагерь назывался Степным. Гиблым был, но западники, взяв здесь верх над остальными, жили своим куренем, элитарным по лагерным понятиям. Сроки имели немалые, у многих ВМН, замененная впоследствии пятнашкой или двадцаткой каторжных работ да поражением в правах, а кончилось все в один миг: в пятьдесят шестом лагерь расформировали, большую часть освободили по зачетам рабочих дней – мера такая была поощрительная, умными людьми придуманная, меньшую – увезли в Дубравлаг, что в Мордовии, сроки свои трубить дальше. Иван попал в счастливое большинство и вот уже седьмой год жил как добропорядочный советский обыватель. Жениться успел, пятерых детей заиметь, добротный дом построить. Друзья – все лагерные, проверенные. Ан, нет, все равно никому из них не сказался, не обмолвился даже полупонамеком и в пьяной смуре, что не Ольхович он вовсе. Зачем? Что кануло, то кануло. А если ту, полицейскую, да за которую сел, сложить – не вынесешь, пожалуй, ноги подломятся. А он нес, нес и боялся: сердце б не захолоstinулось. Жить-то хочется и зверю, не то что человеку.

II

В конце рабочего дня Кусаинова вызвал к себе начальник горотдела майор Кулишин. Выразительно посмотрев на Мурата и положив перед ним какой-то документ, медленно продолжил:

– Мурат Закиевич, пора тебе браться за серьезное дело. Стажировка, будем считать, этого момента закончена... Ознакомься, пожалуйста, с этой справкой. Внимательно. Потом доложишь свои соображения по существу... и, – уже с улыбкой, – дерзайте, юноша. Понял?

Мурат понял. Уже два месяца после окончания курсов КГБ он служил оперуполномоченным в горотделе небольшого степного городка, затерянного в бесконечных пыльных даях Центрального Казахстана. Пока был лишь период ученичества, постижения азов практики оперативной работы, что само по себе ему было интересно, и постылости бумажной рутин, что было, конечно, совсем не интересно, но важно по своей сути, как он уяснил еще со школьных лет. Опытные оперативники, а их в отделе было большинство, не очень-то жаловали сиденье с бумагами, предпочитая ему беспокойный импульсивный ритм живой работы с людьми, поэтому и старались ведение документации сплавить на молодежь. Так что Кусаинов был в отделе весьма кстати, и все «прелести» казенно-делового стиля языка быстро освоил, лишь в мечтах уносясь в лабиринты оперативной работы. И вот неожиданно, но, кажется, свершилось. Все, теперь он будет самостоятелен и спрос с него будет такой же, как и с других оперработников, правда, более опытных и искушенных в хитросплетениях и причудливых изгибах контрразведывательного поиска.

Чего-чего, а розыскной работы пока хватало. Вроде б, и война давно закончилась, и уж дети ее – зрелые люди. А следы бывшего нет-нет и обнаруживались: в старых розыскных ориентировках или архивных делах, приостановленных производством «ввиду не установления объекта». Скрывавшихся карателей в розыске было много. И если в первые после войны годы велся их тотальный поиск и следствие было скорым, копало, как правило, неглубоко, доказывая лишь очевидное, то позже настал период более скрупулезной, методичной работы. Стремительная машина сыска как бы остановилась, выслав вперед лишь головной дозор, медленно, словно по горному серпантину, объезжающий неведомую вершину, сотканную из человеческих судеб, исковерканных войной. Практика привела к необходимости научного обоснования оперативного розыска, дала познание его тайных законов и пружин. С годами нарабатывались все новые и новые методики, оттачивался профессионализм розыскников, рождая парадоксы: количество разоблачений изменников Родины, чем дальше от войны убегало время, не уменьшалось, а держалось на каком-то одном, но стабильном уровне, хотя и изощреннее становились уловки скрывавшихся, и память о былом в людях угасала. Логика справедливости, диктуемая какими-то высшими непознаваемыми законами, была сильнее забвения, не давала уснуть человеческой памяти.

«В этом, возможно, – думал Мурат, – и есть одна из граней библейского “И аз воздам”. Воздам! За невинно лишенных жизни детей, за тех, кто умирал, так и не поняв за что, видя обезумевшими от ужаса глазами в свой смертный час довольный оскал палачей, нелюдей, скрывавшихся до поры рядом. Вдвойне страшнее – соотечественников. Трусость порождает предательство. Предательство, замешенное

на страхе, – звериную жестокость, кажущуюся палачам избавлением от грядущего возмездия и праведного гнева людей».

В справке, переданной Мурату Кулишиным, кратко излагалось содержание работы, проведенной на территории оперативного обеспечения горотдела розыскниками областного управления, апробировавшими одну из новых поисковых методик. Кусаинов читал выводы: «... на основании изложенного, а также исходя из других косвенных признаков, полагали бы: взять в проверку как попадающих под облик скрывающихся госпреступников...», далее перечислялись три фамилии и краткие данные их обладателей. Одна из фамилий была подчеркнута кулишинской рукой, а сбоку на полях приписано: «Тов. Кусаинов М.З., прошу организовать проверку». Итак, дальше: «Ольхович Иван Андреевич, 1923 г.р., уроженец села Любешов, Любешовского района, Волынской области, в 1943 году вступил в банду УПА, находился в ней до июля 1944. В составе банды участвовал в убийствах бойцов и командиров Красной Армии и советских граждан. При проведении чекистской операции в июне 1944 года банда, как оказавшая вооруженное сопротивление, была ликвидирована. Ряд ее участников убит в перестрелке. Ольхович, раненным, арестован. Осужден к высшей мере наказания, впоследствии замененной 20 годами каторжных работ. Наказание отбывал в Степлэге МВД СССР, в 1956 году освобожден. В настоящее время работает бригадиром шахты «Покро». Ведет замкнутый образ жизни, злоупотребляет спиртным. После освобождения из лагеря ни разу не выезжал за пределы города, хотя жена, уроженка Ровенской области, ежегодно бывает в отпусках на Украине. Мотивация перед окружающими своей привязанности к городу и нежелания выезжать в отпуски на Украину у Ольховича слабая». Значит, Ольхович.

III

Странно, но даже в людской толчее на работе ли, улице ли, Иван всегда чувствовал какое-то отчаянно-безысходное одиночество. Точно один, совсем один в мире, убегающий неведомо куда от наступающего дискомфорта воспоминаний, безжалостных и неуютных, как ножом бульдозера, срезающих во времени пласты настоящего, оставляя только прошлое. Не чужое, его, Иваново, прошлое. Знал: и не будет будущего без настоящего, погребаемого этим прошлым, люто им не навидимым. А оно лезло, будто издеваясь, в голову, сжимало до судорог сердце, не давая покоя ни днем, ни ночью, ни на миг от себя не отпуская. Устал, устал уже от него, а сил сопротивляться остается все меньше и меньше. Не думать! Но смеживались веки, и, как на сцене в театре, разыгрывалась драма, где действующим лицом и исполнителем – он, Иван. Взвинченный до предела, на грани срыва, с отрешенным лицом. А декорациями – война, лихолетье сумасшествия миллионов людей. И помнил он. Помнил. Может, еще и потому, что было все впервые, внове. Может.

Весной сорок второго года его по личной просьбе перевели на Волынь. В Киверцах получил назначение в Тростенец, родное свое село. Осмотреться не успел, детства друг Олекса Пилипчук подъезжать начал, все вокруг да около крутится. А потом: – Нет ли крови на тебе, Иван? – взял как-то и бухнул прямо в лоб, бесхитростный парень был.

Нет, крови тогда на Иване не было, на Тернопольщине он только охраной да патрулированием занимался. Так и ответил, ожидая, что далее будет, Олекса и

говорит: – Мы тут с хлопцами посоветовались, решили тебя привлечь... В партизаны надумали подаваться. Айда с нами.

Испугался Иван тогда, ой-как испугался: не проверка ли? Не похоже. Олекса свой в доску, темнить бы не стал. Он и не темнил, а испуг Иванов по своему расценил: – Не бойся, в селе ведь все знают, что в полицию ты по Полищуккову принуждению пошел, мы перед кем хочешь это засвидетельствуем. А батька? За батьку ты не ответчик. Темный он человек был... Приходи завтра, как смеркнется в хату ко мне, потолкуем. Хлопцы будут.

И отошел, исчез, как бес-искуситель, словно привиделось Ивану. Эх, если б привиделось, а то неуютно как-то в душе стало, тревожно. И пойти плохо, и не пойти беда. Что делать? Что? Пойдешь – в лесу в конце концов сгинешь от пули немецкой ли или бандеровской «самостийной». Лучше уж здесь, в селе родном отсидеться. Тихо, спокойно, не трогая никого: ты не тронешь – тебя не тронут, а иначе как с батькой получится. А если хлопцы в лес без него уйдут? Да там скажут, что отказчик он? Тоже клин. Думай, Иван, думай.

Придумал – ночью верхом в Киверцы помчался с Антонюком, начальником полиции советоваться: авось, решит за него и рассудит верно. Тот, ошалелый со сна, повеселел аж.

– Добрый служака будешь. Езжай домой, никому не рассказывай, что здесь был. Жди меня днем. Приеду, с хлопцами, дружками твоими, сам побалакаю.

Приехал. С десятком шуцманов. В хате Пилипчука Олексы хлопчиков этих и накрыли. Раззявы, не сторожились даже, хотя, что сторожиться, свои ведь все, в селе-то. Взяли их без шума: сначала Иван вошел, за ним – остальные. Хлопцы аж опешили, так и стояли, разинув рты. Одиннадцать тростенецких, Ивану сызмальства известных, пятеро хопнивских, а один, дурак, из Острова. Тут же, в хате, Антонюк с ними и побалакал. Упорствовали – бить пришлось, и Ивану тоже. Один и сломался, сдал, в конце концов, главарей своих, в партизаны тянувших. Максимчука Василя, Тарасюка и Вишневого Миколу. Этих троих Антонюк, улыбаясь, велел Ивану да мрачноватому Петрику Петру, из киверцевских, в лес свезти и кончать там. Остальных до полусмерти избили и в сараюшку заперли – утром в Киверцах решать судьбу их замыслили.

Иван тогда, как во сне, все делал, что скажут – то и исполнял. Молча из хаты вышел, на подводу сел, ждал, пока загрузят земляков его приговоренных. Только с Петром к околице села выехали, услышал Иван шепот Миколин:

– Иван, братка, мы ж с тобой с детства знаемся... Отпусти, не бери грех на душу... Ноги мне только... ноги развяжи.

Развязал от Петра незаметно. Рванул Микола к лесу. Петро – в крик:

– Стреляй, раззява, сбег один, а сам винтовку никак из-за плеча снять не может.

Ну Иван и стрельнул: не знал Микола, что Иван из винтаря не то, что человека бегущего, а птицу на лету снимет. С первого выстрела и завалил, не охнул даже Микола, упал – и все. Петро к нему подскочил, проверил, для верности, еще раз стрельнул, хотя и ненужно уже было, первая пуля и так ползатылка снесла, та, первая.

Дивился потом, на Ивана глядя. – Силен ты, друже! Я б не смог так.

А Иван ему: – «Ничего, натренируешься еще», – лихо так ответил, будто каждый день по детства друзьям стрелял.

Каждый – не каждый, а Максимчука с Тарасюком следом за Миколой уже на пару с Петром отправляли: поставили у дерева, Максимчук плачет, Петро выматерился: «Щенок, завтра б нас так с партизанами своими» – и щелк, щелк. Готово.

Странно. Говорят у человека после первого убийства стресс нервный случается, истерика какая-то, у Ивана, вроде б, ничего подобного не было. Только мысль, что выстрелами этими дорогу он себе назад, в прошлое, и к односельчанам отрезает. Да, уж сделано, так сделано. Удивлялся себе, что стрелять не побоялся.

Хвалил его потом Антонюк, как Петра рассказ про Миколу услышал, говорил: «Далеко, друже, пойдешь», может, и пошел бы, глядишь и выслужился, с немцами убежал. Жил бы сейчас в какой-нибудь Аргентине, страха бы этого не знал. Бы, бы – раскудахтался. Не довелось ведь. Не довелось. Чужим он на селе стал после убийств этих, хотя и хлопцев за задуманное не все хвалили, но жалели. А его, его ненавидеть начали, здороваться даже с матерью перестали. Понял тогда Иван: не жилец он здесь, и не будет ему прощенья. Затосковал, запил люто. На одной из гулянок в Киверцах познакомился с шустряком одним – Ющакком Олексой, поди уж лето сорок третьего шло, немец гнулся. Ющак как-то возьми, и скажись: «Иванка, зачем тебе немец? Капут ему скоро, нехай сам выпутывается. Айда в лес со мной, братка у меня там в чинах немалых». Спьяну Иван, не раздумывая, легко согласился; припек уж его Тростенец совсем, сна спокойного не видел, шороха пугался мало-мальского, от писка мышиноного и то вздрагивал.

Через неделю с Ющакком в лес и ушел.

Шуляком Ивана в боевке нарекли. Приняли сдержанно, но и полицейским прошлым не пеняли. А то и ладно было. Попал в группу Олега, потом к Рубашенке перешел в конце концов. Жуку приглянулся, с ним и остался.

Как тех Олегов да Жуков по настоящему звали, Иван по сию пору не знает. Конспирация была что надо. И порядки строгие: плетью, удавкой, а при случае и пулей воспитывали. Не побалуешь.

Жук этот отчаянной смелости боец был, царство ему небесное, и почему-то особенно поляков ненавидел, ляхив: насолили они ему, видать, когда-то. И Ивану эту ненависть передать решил, весьма своеобразно, правда. Вызвал к себе в схрон, он отдельно от группы с двумя охранниками ховался, и говорит: «Пойдешь сегодня со мной, охотиться будем».

Подумал Иван, что за блажь такая, но согласился. Не знал, что особая то была охота – в жизнь человеческую ценой. Чужую. Не раз он потом с Жуком на нее ходил и отказываться-то никогда не пытался, боялся, что ли. Ссориться с таким отчаянным к чему? Себе хуже стало бы: засмеяли б хлопцы, испугался, мол. Вот и ходил. Это сейчас можно спокойно рассуждать, а тогда не до рассуждений, пожалуй, было, голову б не потерять да шкуру собственную не попортить, репутацию опять же. А хорошая репутация ой как нужна: и среди тех, в войну, и среди этих, сегодня.

А первую свою с Жуком охоту хорошо запомнил. У Личек они тогда подводу с семьей поляков подстерегли: муж, жена да двое девок-малолеток, годков по пяти-шести. Жук молча на дорогу вышел и говорит: – Панове любезные, кони у вас больно гарные, отдавайте их сюда.

Те – в крик и плач. Жук шмайсер из-за плеча дернул, затвором клацнул – вмиг шелковые стали, залепетали: – Отпустите, панове, с миром. В Колки к родичам едем.

Жук слушал, слушал, глаза вдруг бешеные сделались, и – резанул очередью: муж и жена рядом легли. Девки – опять в рев, а Жук как заверещит фальцетом: – Заткни их, Шуляк.

Не знает Иван, что нашло на него тогда. Вроде б, и винтовка в руках была стрелять мог. Так нет же. Одну девчонку за ноги схватил и с маху – головой об дерево, только брызнуло что-то в стороны; вторую, остолбеневшую разом, штыком в живот. Жук, на что жесткий мужик был, и то, как увидел это, аж побледнел и в сторону шарахнулся. Тут из-за поворота еще подвода выкатывает, а на ней четыре селянина каких-то, свидетели получается. Азартно, в два ствола, не сговариваясь, ударили по ним, положили вместе с лошадыю. О ней, кстати, и жалели больше всего. Но это потом, а тогда в лес рванули. В схроне, Жуку известном, в себя и пришли только. Ивана дня два лихоманка трясла, ломало всего, есть не мог – рвало. А Жук все головой покачивал и усмехался: – Небось, вспоминаешь как девок приголубил? Ничего, пройдет со временем.

И прошло. Не сразу, правда, – долго снилась та лесная дорога, у Лисок.

Жук его после этого оценил, одного из всей группы и выделял, в адъютанты к себе взял. Ох, и погулял он с Жуком этим: разве, что кровью чужой не умывались. Да бог, видно, есть. В сорок четвертом у Колок накрыли их группу энкавэdisty. Тяжелый бой был, полегли, почитай, все с Жуком во главе. Наверно, только Иван чудом, с Бурляем раненым на плечах, в чащобу пробился. Зря Бурляя-то ташил. умер он потом в схроне, куда от чекистов преследующих укрылись. В кармане бурляевского френча и нашел Иван справку сельсоветовскую, бурляевской рукой и заполненную, что Иван Андреевич Ольхович в Любешеве родился, в 1923 году. Прикинул: почти в точку – он тоже Иван, но Гапонович, год рождения зато совпадает. Оставил на всякий случай. Не успел Бурляя схоронить – гости пожаловали:

– Слава героям.

– Героям слава.

Свои, но Ивану малознакомые. Так он к Греку и прибилсь, Скакуном назвавшись. И воевал, опять воевал. Не упомнишь теперь тех чувств, что владели тогда Иваном. Стреляли в него, он стрелял. Во имя чего и за что? Действительно, за что?

Вот это «за что?» и колобродило в нем, по ночам спать не давало – это теперь, а тогда? Тогда – не помнит. Наверное, не задумывался, время не то было, а может, возраст виноват: моложе был, дурней, и казалось, война будет вечна, а в ней сила за тем, кто с оружием да дружками верными, кто не знает жалости ни к малым, ни к старым. Иван и не знал.

IV

Кусаинов уже месяц занимался проверкой Ольховича. Установил пока немного. Вчитываясь внимательно в материалы уголовного дела на него и его же «Личное дело заключенного», полученные из архивов, Игорь пытался понять, что за человек противостоит ему. Дерзкий? Пожалуй. Самоуверенный? Жестокий? Да. Да. Умный? Не ясно, далеко не ясно.

За сухими с ввевшейся архивной пылью строками картина жизни Ольховича более или менее четко вырисовывалась с августа сорок третьего по май пятьдесят шестого. Сначала – разбойная, лесная, с убийствами и грабежами, потом – лагерная, с карцерами, бурами и шизо за систематические нарушения режима.

В материалах следствия и приговоре Военного трибунала войск НКГБ Волынской области бандитская жизнь Ольховича излагалась по протокольному бесстрастно:

«В управление НКГБ по Волынской области поступили данные о том, что на территории Олыкского района находится на нелегальном положении бандгруппа УПА под командованием бандита «Грека» – Стефановича Андрея Афанасьевича, которая имеет вооружение, лошадей и с целью совершения убийств систематически делает налеты на отдельные группы частей Красной Армии, населенные пункты Олыкского и других районов. В подтверждение этого управлением НКГБ был зарегистрирован ряд фактов совершенных убийств этой бандой бойцов, командиров Красной Армии и советских активистов.

В июле месяце 1944 года принятыми мерами розыска было установлено, что часть участников указанной группы вместе с главарем Греком находится в схроне – госпитале УПА в с. Косовичи Олыкского района на излечении.

При проведении чекистской операции бандгруппа Грека оказала вооруженное сопротивление, в результате огневого контакта трое бандитов, в том числе и сам Грек, убиты, пять человек бандитов задержаны, затем арестованы и привлечены до настоящему делу в качестве обвиняемых».

Приговор, в части касающейся Ольховича, был не менее бесстрастен: «подсудимый Ольхович, проживая на временно оккупированной противником территории, изменил Родине, добровольно вступив в августе 1943 года под кличкой «Скакун» в действующую вооруженную банду УПА, проводившую активную борьбу с Советской властью. Имел на вооружении разное огнестрельное оружие, гранаты и неоднократно принимал участие в убийстве советских граждан, в том числе бойцов и командиров Красной Армии.

В марте 1944 года бандой при участии Ольховича были убиты в с. Майдан Липеньский 7 красноармейцев, в апреле 6 красноармейцев.

В июне 1944 года бандой в с. Миловицы убит капитан Красной Армии, там же бандиты сделали налет на едущих работников НКГБ, при этом убили милиционера.

Кроме того, с подсудимыми по этому делу Пирожинским и Кричкевичем Ольхович в мае 1944 года бросил несколько гранат в дом гражданина Ватащука в целях убийства проживавшего там работника военкомата Лукьянова.

В июне месяце 1944 года Ольхович, Пирожинский и Кричкевич уничтожили в с. Горнице Олыкского района две семьи в составе 9 человек как лиц, положительно настроенных к мероприятиям Советской власти

На основании изложенного

Приговорил:

Ольховича Ивана Андреевича по совокупности совершенных им преступлений на основании статьи 54-1а УК УССР к высшей мере уголовного наказания – расстрелу...».

Таков был приговор, позднее, правда, пересмотренный этим же Военным трибуналом, заменившим смертную казнь 20 годами каторжных работ.

«Да, красивая биография, – думал Мурат, – такая красивая, что дальше уж некуда. И живет же человек и не вспоминает, наверное, о тех, кого убивал, и спит спокойно. Впрочем, формально не подкупаешься. Свое отсидел, теперь чист. И не выдумало еще человечество закона юридического карать бессонницей или воспоминаниями. А зря, иным бы полезно было – тем, что совесть свою потеряли. А так: ну было, было. Но теперь я такой же, как и вы, честный советский труженик, основы коммунизма закладывающий. Проще – общества всеобщего благоденствия, где с вами на пару и благоденствовать буду, во веки веков, во веки».

Интересным, с точки зрения казуистики, было и «Личное дело заключенного Ольховича И.А.», сплошь состоявшее из записей «водворен в карцер», «водворен в ШИЗО», «переведен в БУР», венчаемых справкой-ориентировкой оперчасти лагеря, где эти «водворен» бесхитростно расшифровывались как «злостный дезорганизатор на производстве», «отказчик от работы», «занимающийся шантажом и угрозами по отношению к хорошо работающим и ведущим себя хорошо в лагере заключенных», и выпиской из решения комиссия Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1956 года об освобождении Ольховича из лагеря «досрочно, с зачетами рабочих дней, за хорошее отношение к труду».

В чудеса поверишь от таких метаморфоз. Впрочем, чем дальше Мурат углублялся в биографию Ольховича, тем больше вопросов возникало. Из архивных залежей вынырнул вдруг еще один любопытный документ – розыскная ориентировка пятидесятих годов из Симферополя. Искали Ольховича Владимира тридцати пяти – сорока лет, уроженца Волынской области, активного пособника немецко-фашистских оккупантов в Крыму. Поэтому Мурату пришлось повести проверку сразу до нескольким направлениям.

В первую очередь был отработан весь послелагерный период жизни проверяемого. Благо, она протекала здесь, почти на виду: женат пятеро, мал-мала меньше, детей, дом, построенный своими руками, прилежная работа сначала грузчиком на торговой базе комбината, затем забойщиком и бригадиром забойщиков на шахте. Круг общения – невелик: трое близких друзей-солагерников, ведущих добропорядочную обывательскую жизнь. Характеризовался Ольхович замкнутым немногословным человеком. Это все – не в минус.

А что в минус? Склонность к неумеренному потреблению спиртного, особенно в последние два-три года. Выпив, становится агрессивным, выплескивает свою злобу на жену, бил ее не раз нещадно. Впрочем, и дружков своих нет-нет, да и поколачивал, чего, дескать, по пьяному делу не бывает. Хотя это не криминал, штришок просто к облику, Муратом разгадываемому.

Запросы с заданиями на проведение опознания Ольховича по фотографии и идентификации его личности, направленные Муратом в местные аппараты КГБ в Любешов и Симферополь, еще не вернулись. Оставалось ожидание.

V

Иван все чаще думал, а что было бы с ним, родись он в другое время или в другом месте, и не будь войны, или, как сложилась бы его судьба, уйди он в партизаны, тогда, в Тростенце. Вопросы, вопросы. Роились они в голове, а жизнь меж тем прошла, считай, прошла. Почему прошла? Живет же он? Нет, и не он это вовсе.

Это – какой-то неизвестный, но до боли узнаваемый человек, Иваном Андреевичем Ольховичем его зовут, а он – Смолярчук Иван Гапонович – умер, и умер не тогда, когда Ольховичем назвался, раньше. Много раньше. Страх, поселившийся в нем, убил Смолярчука, молодым лишил души, девятнадцатилетним, не знавшим еще, что такое жизнь, что любовь, что радость. И не был он никогда веселым, улыбчивым и хмельным от весны или переполнявшей все клеточки организма его молодости и силы, безрассудным в страсти, щедрым в дружбе. Ничего не было. А что было? Удовольствие от осознания собственной значимости, когда передергиваешь затвор винтаря? Азарт, необъяснимый словами, когда в людей стреляешь? Так?

Нет. То была не жизнь, а ее иллюзия, деформированный слепок, аморфный, с чужой судьбы, в которую превратил свою, кровную, предначертанную с рождения. Переступил один раз через себя и хватило. Хватило с лишком, по самые завязки.

А порвать завязки эти – духу нет и не было. Помнит Иван холодную сталь у виска, ствол пистолетный. Поднялась же рука? Поднялась, но не больше, и пальцы как занемели, деревянными стали. Вспышкой мысль: «Вдруг за другого сойду рискну, рискну ..., тяжелое время – не до проверок им будет..., а коль проверят. Что ж... все равно конец. И опустилась рука – себя убить не посмел. Жить захотел, хоть в тюремной камере, но жить. И молился потом, встал на колени среди грохота боя, пороховой вони и огня, и молился, истово, до безумия, взывая к небу: «Спаси и сохрани!». И пал ниц перед возникшим вдруг в оконном проеме хаты васьликово--погонным сержантом с клокочущим автоматом в руках, и кричал, что есть мочи: «Сдаюсь, сдаюсь!».

Помнит Иван и приведшие в мгновенную немочь слова: «... к высшей мере уголовного наказания – расстрелу». Это его, его... Ивана. А дальше – пустота. Пустота ожидания. И живет он с тех пор в этой пустоте, липкой, тягучей, ночной. Воспрял было духом, когда заменили лагерем расстрел, но лишь на мгновенье: «Живу». А потом опять ждал, ждал, смятенно вглядываясь в лица встречавшихся на пути людей, будь то на пересылках, будь то в лагере. Не мог успокоиться и не может. И даже водка забвенья не дает, выключит – как в темноту упал, очнулся – снова страх: «Узнают, узнают все, тогда точно вышка... Вышка».

Женился в пятьдесят шестом. Без любви, просто, чтобы укрыться от постылой повседневности ожидания. Облегченье, думал, будет. Открыться хотел, хотя бы перед ней, жинкой. Не посмел, побоялся. Куда там жинка: сам от себя спрятаться не можешь. И не спрячешься, наверно. Нет. Страшно. И дети свои... – и за них не спрячешься. За кого же тогда? За кого или за что?

VI

Наблюдение, организованное за Ольховичем, результатов пока не принесло. Вел он себя, как обычно: дом – работа, в свободное время возился во дворе или, что чаще, принимал друзей, либо сам ходил к ним в гости. Засиживались они порой до полуночи. Основательно набравшись, иногда нестройными голосами затягивали:

«Ще не вмерла Украина...», – былое, по-видимому, вспоминая.

Вернулся ответ на запрос горотдела в Симферополь: крымский Ольхович и казахстанский оказались разными лицами. Оставалась Украина, но, анализируя

уже полученные данные, Кусаинов вместе с курирующим его заместителем начальника горотдела подполковником Турсуновым все больше, не сговариваясь, начинали склоняться к версии, что выявленные управленческими розыскниками признаки, вызывающие подозрение в сокрытии Ольховичем какого-либо государственного преступления, скорее всего обычное стечение обстоятельств, каких немало в жизни, и без всякой криминальной окраски. Сомнения росли, но, не достигнув пика, погасли – пришла шифровка из Луцка. Всколыхнула замедлившийся было темп проверки Ольховича, придала ему прерывистый скоростной ритм, лавинообразно вовлекающий в орбиту розыска все новых и новых людей здесь, в Казахстане, и там, на Украине, незримо связывая их аккуратными буквами машинописи на стандартном бланке:

«Турсунову. Сообщаем: фото проверяемого Вами Ольховича Ивана Андреевича предъявлялось нами на опознание семи старожилам пос. Любешов. Никто из них изображенного на фотографии человека не опознал. Проверкой в архивах регистрационных книг бывшего райбюро ЗАГС за 1923 год Ольхович Иван Андреевич, 1923 г.р., урожденный с. Любешов Любешовского района Волынской области, не установлен. По данным старожилов, лица по фамилии Ольхович, а также уличным или бандитским кличкам «Скакун» в Любешове в 20-40 годы не проживали. Фотография проверяемого нами размножена и с его установочными данными разослана в другие аппараты УКГБ области, на территории оперативного обеспечения которых имеются населенные пункты с созвучными названиями. О результатах сообщим дополнительно. Справка ЗАГС – почтой. Начальник Камень-Каширского РО УКГБ Белов».

«Похоже, круг поисков замыкается?» – думал Мурат, сидя у себя в кабинете с карандашом в руках и неторопливо вычерчивая в рабочей тетради некое подобие логического силлогизма: Ольхович не есть Ольхович, следовательно, он – или Петров, или Сидоров и т.д. Отбросив в сторону абстрактных Петровых и Сидоровых, четко вывел:

«Неподтверждение места рождения Ольховича объясняется: а) причинами криминального характера (скрывающийся уголовный или государственный преступник); б) причинами другого характера». Чтобы сузить поле поиска по первой версии, сбоку, на полях, приписал: «заполучить отпечатки пальцев Ольховича, проверить их по Центральной дактилокартотеке МВД Союза». Удовлетворено усмехнулся: «Хорошо идем», но подумать: «куда?» не успел – вызвал к себе Турсунов.

Протянул через стол шифровку: «Что на это скажешь?» Мурат прочитал: «Турсунову. Полученная нами из Камень-Каширского РО фотография проверяемого Вами Ольховича И.А. предъявлялась на опознание двум старожилам Любомли – Яскивцу Логвину Васильевичу, 1915 г.р., и Иванову Федору Павловичу, 1902 г.р., которые уверенно заявили, что на ней изображен Бойчук Иван Никитович, 1923 г.р., уроженец с. Любомля Любомльского района Волынской области. Бойчук И.Н. находился в банде УПА, в 1944 году арестован и осужден на 15 лет. В мае 1960 года приезжал в Любомль к своему брату Бойчуку Охриму Никитовичу, 1915 г.р. По словам брата, в день приезда был сильно избит кем-то из местных жителей, родственники которых пострадали от него в войну. После чего якобы выехал в Казахстан, где ранее в одном из лагерей под Карагандой отбывал срок наказания. С тех пор сведений о брате Бойчук О.Н. не имеет. Проверкой книг

Любомльского райбюро ЗАГС за 1923 год Ольхович Иван Андреевич уроженцем города Любомля Волынской области не установлен. Начальник Любомльского РО УКГБ Дячук».

- Будем искать Бойчука?
- Его обязательно надо найти.

VII

Иван не раз ловил себя на мысли о том, что, по сути дела, вся его сознательная жизнь, начиная с пасмурного слякотного дня похорон бабки, пошла наперекосяк, точно локомотив въехал под красный знак семафора на ремонтируемый путь, не зная в какой момент пойдет под откос. Говорят, человек ко всему привыкает. Иван в это не верил, хребет его неверия такого – опыт более, чем двадцатилетнего балансирования на грани: жизнь под страхом. Боялся, всегда боялся. Сначала – пули партизанской. потом односельчан мести, потом – засады чекистской, потом – суда, потом ..., потом... Сколько этих потом? Не счесть. И заблудился среди них, заплутал, как тать, от погони в ночи уходящий.

Видел вокруг людей. Завидовал. Всем и всему, а особенно тому, как они переживали по всяким бытовым пустякам, считая, что в жизни это главное. Переживали искренне, истово, словно в последний раз. Ему этого не дано. Он этого лишен. Сам лишился, добровольно. И все остальное меркнет. А смысл жизни он только-только и понимать начал. Только сейчас. Ходить – без страха быть остановленным, любить – без страха быть отвергнутым, спать – без страха быть разбуженным. Никчемен тот, кто боится, кто живет двойной жизнью, кого ожидает, как пишут в детективах, возмездие, а их он по нужде много прочитал, чтобы знать, как таких, как он.

И мать, и сестренка из-за страха этого-то потерял. И не знает, живы ли теперь. Видел в последний раз незадолго до ареста. Как вор, ночью, каждого шороха сторожась, к хате родной пробрался. Стукнул в окошко – чутко мать спит, дверь даже не скрипнула.

- Как ты теперь, сынку?
- Не знаю, мамо, как-нибудь. Не поминай лихом. Прости.

Поди, выслали их, как Советы вернулись. Указы-то строгие были. И, может, сгинули уже. И нет их давно. Не знает он и не узнает теперь, наверно, никогда, И они не знают и не узнают. Пропал – и все. Жинка все по первости родственниками его интересовалась. Сказал, как отрезал, что в войну погибли, люди, мол, сказывали, что в Германии померли, куда немец угнал, и могилки не найдешь. Отстала. Попробовала б не отстать – вмиг бы отучил вопросы лишние задавать. Строг он с ней. И боялась она, смирной была. Не знает, что его-то страх покруче будет, так, что все нутро наизнанку, дыхание спирает.

А, может, пойти и повиниться? Вздохнуть хоть свободно, а там будь, что будь. Нет! И этого боится. Духу нет. Духу.

VIII

Бойчука отыскали подозрительно быстро. «Не к добру?» – шутливо заметил Турсунов, потому что ни он, ни тем более Мурат не ожидали такого скорого исхода, внутренне настроились на более запутанную интригу поисков. Сообщение из Караганды было исчерпывающе кратким: «Турсунову. Бойчук Иван Никитович,

1923 г.р., уроженец Волынской области, установлен на жительстве в городе Абае, пер. Автомобилистов, 10, квартира 2, работает проходчиком на шахте № 4, проживает в городе, с сентября 1960 года. С приложенной к сообщению фотографии на чекистов смотрел широколобый крепкий мужчина с глубоко посаженными глазами и, действительно, внешне очень похожий на Ольховича, но существенно различались словесные портреты Бойчука и Ольховича: последний был на целых пятнадцать сантиметров выше и имел особую примету – родимое пятно на левом ухе. Бойчук особых примет не имел.

Турсунов протянул:

– Да-а, идентификацию можно и не проводить. Это – не искомое.

– Не искомое, – повторил вслух Мурат. – А что искомое?

– Попробуем поискать в архивах ориентировки на лиц, объявлявшихся в розыск в последние годы в розыск по внешним приметам и бандитским кличкам. Готовь запросы в западные области Украины.

Мурат занимался текущей бумажной рутинной, но нет-нет, а возвращался к материалам проверки Ольховича. Раскладывал на столе документы и думал, словно пытаясь прорваться в новое качество: найти какой-то оригинальный ход, смоделировать ситуацию, чтобы побудить Ольховича проявить себя, словом ли, действием. Пока не получалось. Все не то. Не то.

Тем временем откликнулись на запросы Тернополь и Ровно. Пусто. И вдруг, как в награду, – звонок из Луцка.

– Старший следователь майор Деревянко. Здравствуйте. С кем я говорю?

– Лейтенант Кусаинов. Здравия желаю, товарищ майор. Вы, наверное, по поводу Ольховича?

– Да. Здесь такое дело. У нас в местный розыск в 1944 году объявлен некий Шуляк – это кличка, примерно в возрасте двадцати-двадцати пяти лет, украинец, якобы местный, волынский, Состоял в бандгруппе Жука. Банду ликвидировали, но двух бандитов захватили ранеными. По их показаниям еще два члена боевки ушли, Шуляк и Бурляй. На второго ничего не было. Первый вместе с бандглаварем Жуком причастен к ряду убийств местных жителей польской национальности. Тогда же по горячим следам факты эти задокументировали, шесть доказанных эпизодов, и свидетели сейчас еще живые есть. Следы Шуляка и Бурляя тогда затерялись, решили, что они ушли за кордон, розыск приостановили в 1947 году. Так вот, словесные портреты вашего Ольховича и Шуляка совпадают. Кроме того, у него тоже родимое пятно на левом ухе. Материалы я вам направляю почтой. С фотографией вашего Ольховича мы здесь поработаем, проведем опознание через свидетелей, старожилов еще порасспрашиваем, оуновцев бывших. Результат сразу сообщим. На этом все. Вопросы есть? До свидания.

– Спасибо, – только и успел выдохнуть Мурат. – Горячо, кажется, горячо, – всплескивалось в нем.

– Похоже – это Шуляк, – выслушав Мурата, взволнованно сказал Турсунов.

– Но загадывать вперед не будем. Надо нам его теперь как-то расшевелить. Слушай, а не пора ли нам с ним познакомиться лично. Мысль. Вот что, Мурат, ищи предлог для выхода с ним на беседу, но только так, чтобы не подумал, что мы вызываем. Ну, скажем, милиция. Там же есть, кажется, что-то с дракой связанное. Есть? Тогда тебе и карты в руки. Готовь план беседы. Пойдешь сам. Справишься, не бойся. У тебя получится.

«Получится ли? – думал Мурат. – Получится ли? И чем такого взять? Испугом? Нахрапом? Нет, это ни в какие ворота не лезет. Воробей-то стреляный... Фактура? Фактура есть: чужие установочные данные родимое пятно, словесный портрет... Стоп! Есть еще клочок. Это уже кое-что. Отсюда и плясать надо. Да, отсюда. Хотя начнем пока с психологического портрета. Итак, Ольхович...».

IX

Почему-то с каждым днем, отдалявшем его от войны, Иван все острее терзался воспоминаниями. И жить хотелось все больше и больше, и дольше – и не мог. Остановиться бы, отдышаться. Но как? Как? За что же наказание такое? Господи, чем я тебя прогневил? Лучше бы сгинул, тогда, в войну. И не знал бы ничего этого, не ведал бы. А так, как гость в этой жизни, непрощенный, ненужный никому. Только себе. И себе-то не нужен. И детям собственным, и жинке – бояться они его. Как от чумного шарахаются. Что ж, добра, что-ль, от него ждать, когда вечно зол, напряжен, как струна перетянутая, на грани разрыва почти. А дружки? И им не нужен. Знали б Иванову боль, первыми б, поди, к кэгэбэшникам и побежали. А и пусть бы. Пусть.

Теперь повестка эта. Чего б его участковый дергал? За драку, небось, воскресную, с Капустой. Да знает же, что как подрались, так и помиримся, мы-то с Капустой. Не впервой. Воспитывать будет. Как же, они без этого не могут. Власть она и есть власть, какая-никакая. Не пойти, разве? Да, нет, надо. Все равно не отстанут. Амантайка-то наш больно старательный мужик. На пенсию уж скоро, а туда же – выслуживается. Чего ему неймется?

Иван медленно брел по улице, то и дело кивая знакомым, останавливаясь перекинуться с некоторыми парой слов. На вопросы весело отвечал: «На политзанятия к Амантаю», чем вызывал ответный смех.

Толкнулся в знакомую дверь с ободранной табличкой, мимолетно подумав: «Подновить не могут, что ли». Последнее, что отфиксировал перед тем, как от чего-то сжало сердце, испарина прошибла. Схватился инстинктивно за стену, остановился. Услышал, как в полусне, участливый голос: «Что с Вами? Вам плохо?» Увидел – какой-то крепкий паренек, молоденький. «Новенький, наверно. Ничего... Ничего...».

X

«Деревянко. Известный Вам Ольхович И.А. в легендированной беседе о себе сообщил следующие данные: настоящая его фамилия – Смолярчук Иван Гапонович, родился в 1923 году в селе Тростенец Киверцевского района Волынской области. В 1941-1943 годах служил в немецкой полиции. Якобы участвовал в расстрелах советских граждан в своем родном селе. В 1943 году ушел в банду УПА. Должен быть известен по кличкам «Шуляк» и «Скакун». В 1944 году арестован, притом назвался вымышленной фамилией и часть эпизодов своей преступной деятельности скрыл от следствия. Просим перепроверить изложенное. В случае подтверждения ждем санкции прокурора на арест. Зам. начальника горотдела Турсунов».

«Турсунову, 30 апреля к Вам вылетает оперативная группа УКГБ по Волынской области, возглавляемая старшим следователем Деревянко, с ордером на арест Ольховича-Смолярчука. Арест санкционирован прокурором Волынской области.

Просим обеспечить усиленное наблюдение за объектом с целью недопущения его ухода на нелегальное положение. Начальник УКГБ Скрипник».

«Разживину. За активное участие в разработке Ольховича-Смолярчука, проявленную при этом настойчивость, ходатайствую о поощрении старшего оперуполномоченного лейтенанта Кусаинова М.З. Зам. начальника горотдела Турсунов».

XI

Смеркалось... Тени наступающей ночи, крадучись, как бы нехотя, заполняли собой все пространство уходящего дня, чтобы завтра в свою очередь уступить место новому дню и солнцу, восходящему солнцу. «Домой пора, – подумал было Мурат, но, взглянув на лежащую на столе кипу бумаг, снова потянулся к сколотым скрепкой отдельно лежащим серым листам: приговору по делу Ольховича-Смолярчука, – слово-то какое певучее: «винок». Красивое имя возмездию».

«Танских. Направляем для сдачи в архив материалы разработки Ольховича-Смолярчука, осужденного в июле с.г. Волинским облсудом по ст.ст. 56 ч. I, 58 ч. I. 64 УК УССР к высшей мере наказания – расстрелу. Срок хранения – постоянно. Начальник горотдела Толстошеев».

ЧАСТЬ 2

199 ... год

I

Город накрыл вал наркомании. Если раньше в основном употреблялась анаша из близлежащей Чуйской долины, и нет-нет, проходя мимо кучкующейся курящей молодежи, можно было уловить в дымке папирос слабовато-приторный запах «местной» травки, то сейчас настало другое время – время наркоты тяжелой и синтетички: экстази, опия, гашиша, самое страшное – героина. Открытые границы с сопредельными южными государствами, сотрясаемыми социальными и военными конфликтами, и выход через город в Россию делали его весьма удобным в качестве перевалочной базы для дальнейшей переброски наркотиков на Запад. Наркобароны это прекрасно понимали и отрабатывали каждый раз новые и безопасные, с их точки зрения, пути для наркотрафика в Европу; изощренность их при этом не знала пределов.

Обо всем этом думал Айдар, направляясь по вызову в кабинет начальника управления полковника Байменова. Там, помимо хозяина кабинета, он застал начальника соседнего отдела их управления майора Лясова.

– Значит так, – начал полковник, не любивший в рабочей обстановке долгих предисловий, – по нашему телефону доверия 2 месяца назад поступила информация о том, что в доме №53 по улице Аксайской – это частный сектор – якобы живет крупный сбытчик наркотиков. Предварительную проверку сотрудники Николая Николаевича Лясова провели. Установили, что информация соответствует действительности. В доме проживает бывший работник милиции, уволенный оттуда по отрицательным мотивам, Ахмет Бакиров. Женат. Жена – домохозяйка, есть еще двое детей дошкольного возраста. Поскольку Бакиров – бывший сотрудник МВД, мы приняли решение передать материалы для дальнейшей разработки в их управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. За Бакировым они

установили наружное наблюдение, поставили телефон на прослушку. Все это позволило выявить им, что Бакиров должен получить очередную партию героина через тайник, заложенный в заброшенной кошаре на окраине поселка Ключи. Сам знаешь, там рядом проходит автотрасса Бишкек-Алматы. Там они Бакирова в момент изъятия содержимого тайника с поличным и взяли. Но на допросах он до сих пор молчит. К сожалению, на мой взгляд, ребята из МВД поторопились. Надо было по нему еще поработать. Изъяли что-то около килограмма героина маркировка – афганская. А дальше тебе, лучше меня, Николай Николаевич все расскажет.

– Можно, да? – вступил в беседу Лясов.

– Конечно.

– Неделю назад от нашего источника из Афганистана мы получили информацию о том, что к поставке наркотиков нам и частичном их дальнейшем транзите в Россию, возможно, причастен некий Камбаров, имеющий гражданство Таджикистана и постоянно проживающий в России, удачливый бизнесмен, в числе прочего владеющий процветающей фирмой по прокату автомашин. Мы проверили эту информацию, и нам стало известно, что ряд легковушек его фирма сдает в аренду различным структурам, в том числе дипломатическим. Не исключено, что Камбаров и его люди могут использовать этот канал для организации наркотрафика.

– Поэтому мы и включаем тебя в группу разработчиков. Ты служил в нашем представительстве при органах безопасности Таджикистана, знаешь все нюансы тамошней обстановки, у тебя остались там личные связи, то есть кое-какую информацию мы сможем получать и неофициально, а это гораздо оперативнее, чем по официальным каналам. Идите сейчас к Лясову и вперед: на разработку замысла и плана операции даю вам сутки. Завтра с планом жду вас в 11.45, – заключил полковник Байменов.

II

Сколько себя помнил Айдар в детстве, он никогда не задумывался над тем, кем станет в будущем. Да и что было задумываться: пример отца, кадрового сотрудника КГБ, стоял перед глазами. В итоге все так и вышло. Он поступил в политех, окончил его, поработал горным инженером, а потом учеба на Высших курсах КГБ, что он считал для своей биографии вполне логичным. И служба, служба, частые переезды, перманентная неустроенность и непритязательность быта, пограничные районные центры и небольшие города, столица, наконец. Как все это было знакомо с раннего детства. Знакомо и привычно, но только с внешней стороны, а вот по содержанию: Айдар не жалел, что десять лет назад он сделал этот выбор, потому что работа в контрразведывательных подразделениях никогда не давала расслабиться – все время было что-то новое, как правило, интересное. Непредсказуемость ситуаций, возникающих в работе, – вот, что еще влекло: как не просчитывай, не прогнозируй, но всегда проявляется элемент неожиданности, требующий мобилизации и интеллектуальных, и моральных, и физических сил твоего организма. И люди кругом, чаще неординарные. И свои, и чужие.

Конечно, многое Айдару дал отец. Всегда собранный, серьезный, он внешне производил впечатление человека холодного, как бы слегка отстраненного от

этого мира, но под этой напускной маской скрывалась тонкая, легкоранимая натура и мощный интеллект. Отец мог быть и жестким, и мягким одновременно, и требовательным, и уступчивым. Окружающие ценили его прежде всего как человека преданного интересам долга, порядочного и честного, никогда не переступавшего через свои нравственные принципы, какой бы ценой это не оплачивалось: ссорами с друзьями или близкими, неприятностями по службе, ранней сединой или инфарктом, перенесенным, кстати, после памятных событий декабря 1986 года. После этого отец ушел в отставку. А Айдар, наверное, всю жизнь будет помнить его слова, сказанные им в тот день, когда он, лейтенант Кусаинов, был зачислен на службу в КГБ: «Будь всегда честен, прежде всего перед самим собой. Нигде и ни при каких условиях не изменяй своим принципам. Этому Айдар и старался следовать в своей жизни, другой вопрос: всегда ли так получалось. Наверное, получалось, если его ценили на работе и уважали коллеги и друзья. Вот только с семейной жизнью не все пока сложилось: был холост, несмотря на свои за 30. Некогда просто было, потому что работа, еще работа, порой опасная. Вот и в Таджикистан он попал в самый горячий период – в начале 90-х. Горная республика в это время уже была раздираема болезненной межклановой и родовой неприязнью, отмечались проявления терроризма и религиозного экстремизма, пока стихийно, но, нет-нет, происходили кровавые стычки между возникавшими, как грибы после дождя, незаконными вооруженными формированиями, а проще – бандгруппами. Рос вал уголовной преступности. Обстановка была очень сложной. Обострялась еще и тем, что рядом был Афганистан, откуда с боями на территорию Таджикистана проникали все более многочисленные по составу вооруженные группировки исламистов и наркоторговцев. В Таджикистане разгоралась гражданская война, а в преддверии ее сотрудников представительства, в их числе и Айдара, отозвали в Казахстан.

Теперь же, получается, ему вновь суждено соприкоснуться с судьбой этой многострадальной страны.

III

Проверка Камбарова, проведенная и с использованием возможностей дружелюбных спецслужб России и Таджикистана, позволила выявить в числе его казахстанских связей ряд лиц, уже обозначившихся в поле зрения правоохранительных органов республики. В частности, неких братьев Ходжановых, которые, по полученным ранее оперативным данным, занимались сбытом наркотиков в крупных размерах. Камбаров периодически созванивался с ними по мобильному телефону, разговоры вел на фарси и с соблюдением условностей.

С учетом полученных данных за Ходжановыми было установлено круглосуточное наблюдение. Через некоторое время оперативникам стало известно, что Ходжановы, используя в качестве посредника неоднократно судимого Петра Александрова, ищут покупателей крупной партии героина, которую должен доставить из Таджикистана водитель посольства Таджикистана в Казахстане Рахмитов. Однако сроки и каналы доставки наркотика оставались пока неизвестными.

Таков был расклад, когда Айдар вместе с полковником Бектасовым и майором Лясовым пришли на доклад к начальнику областного Департамента КНБ гене-

ралу Ибраеву. Генерал – молодой, энергичный, из новой волны руководителей, пришедших в органы безопасности после обретения страной суверенитета и сумевших за относительно короткий срок, благодаря своим личным и деловым качествам, сделать головокружительную карьеру, был как всегда спокоен и подтянут. Айдара в Ибраеве всегда поражал высокий профессионализм, умение все схватывать на лету, решительность на грани риска, своего рода баланс на туго натянутом канате. В общем-то, не каждый, занимая такой высокий пост, мог бы брать на себя подобную ответственность. Но генерал был из породы именно таких людей и это, пожалуй, импонировало большинству сотрудников департамента: Ибраева уважали.

Выслушав доклад полковника, генерал предложил высказаться по этому поводу сначала Лясова, потом Айдара. Затем начал говорить сам:

– Как я понимаю ситуацию, мы получили великолепную возможность перекрыть канал поставки крупных партий наркотиков в город и дальше, в Россию. Что мы имеем на сегодня? Братьев-наркосбытчиков, посредника, наркокурьера и, возможно, организатора поставок – Камбарова. На данном этапе Камбарова мы ни на чем зацепить не сможем, нет доказательной базы. Буквально, перед Вашим, приходом я по телефону переговорил с нашими коллегами из ФСБ и Министерства безопасности Таджикистана. Они по нему активно работают, но пока ничем также похвастать не могут. С вашими версиями и вариантами дальнейших наших мероприятий я согласен. Однако, как понял, вас смущают два обстоятельства. Первое – самое существенное – доставка наркотиков будет производиться на автомашине с дипломатическими номерами, то есть для того, чтобы остановить ее и досмотреть, мы должны иметь стопроцентную гарантию того, что героин в ней будет. Второе – нам неизвестен срок доставки. Вместе с тем есть одно обстоятельство, играющее нам на руку, – Ходжановы через Александрова ищут покупателей, а если мы им поможем в этом?

Генерал сделал паузу, отвел взглядом всех присутствующих, нервно забарабанил пальцами по столешнице. – Так как?

– Идея хорошая, – задумчиво проговорил Бектасов, – но вопрос за поиском исполнителя, то есть человека для подставы.

– Господин генерал, может быть, мы еще обдумаем? – это Лясов.

– Да, нет, боюсь, времени у нас думать нет, надо действовать, уговаривать или тем паче приказывать я не могу, но у меня уже тоже есть кандидатура.

Айдар почему-то сразу подумал, что речь идет о нем. Про себя он ситуацию давно просчитал и также, как и генерал Ибраев, понял: нужна профессиональная подстава. Он, майор Кусаинов Айдарбек Муратович, знал фарси, знал оперативную работу, психологию и тактику действий тех, кому предстояло противостоять. Не единожды проигрывал в уме сложившуюся обстановку и каждый раз склонялся к единственному выводу: необходим человек, не просто сумеющий сыграть роль покупателя, а профессионал-оперативник. И сыграть талантливо, потому что ценой здесь не столько провал разработки, сколько жизнь. Искать такого на стороне – поздно, да и зачем? Пока тот человек войдет в курс дела, пока вживется в роль, поезд уже уйдет.

– Господин генерал, разрешите я приведу на этот счет свои соображения?

– Да, пожалуйста.

IV

Итак, я, Рустам Магомадов, родившийся и выросший в Кулябе, ныне житель Дагестана – нет, упаси Аллах, не боевик какой-то, близко с ними не являюсь, но для них – свой, в смысле – их человек, имею деньги и готов их вложить в прибыльный бизнес (ребята, я только посредник – живу в Махачкале, меня попросили – я делаю) – это в теории. На практике – другое:

Братан, понимаем. Но – первое: откуда знаешь? Второе: у нас ничего нет, мы близко к этому отношения не имеем; третье: рекомендации (Саша Александров мог и лохануться); четвертое – гарантии.

Звони в «Париба-банк» по телефону 332-15-91 или по сотке – 8-707-290-9656, – спроси Ахметова, сошлись на меня, пусть подтвердит мою платежеспособность и сбросит на названный вами факс в любой стране данные о моем банковском счете, а также то, сколько и когда денег, из какой страны на мой счет поступило. Эта страна, Мальта, а сумма будет вдвоекратно превышающая вашу цену, так, для подстраховки. Потом можете перепроверить по своим каналам. Данный вариант вас устраивает?

– Пока да.

– Ай, блин, дилетанты, однако недоработка у вас, ребята. Квалификации у ваших преподавателей, по-видимому, не хватает: ходила за Айдаром наружка, ходила, да так непрофессионально. Вычислил он их сразу. Виду не подавал. Хорошо, мудрый все-таки человек Бектасов: была пара съемных квартир и номер в гостинице, железные документы, российские (ФСБ помогла), – приезжий, я и есть приезжий, и легенда железная.

На пятый день звонок:

– Встретимся в кафе «Авеста», через полчаса. Успеешь?

– Да, постараюсь.

«Е-мое, не успею. И позвонить проблематично. Вдруг жучок стоит в машине. Ладно, что-нибудь придумаю», – мысли эти вихрем промелькнули в голове Айдара, а уже завел к тому времени мотор «Жигуленка». Поехали.

V

– Господин генерал, а может, поскольку они мне пока не доверяют, будет лучшим рискнуть? Демонстративно отказаться от сделки?

– Подожди, Айдар. Давай подумаем, что мы при этом теряем. Так... теряем только непосредственный контакт со сбытчиком. Хорошо. Он тебя отвергнет. Что будет делать? Искать других покупателей, а здесь мы ему заслон и поставим, Александров-то у нас под контролем. Игра стоит свеч. Откажись и жди: позвонит – позвонит. Нет, будем продумывать другие варианты. Но сейчас, давай, мы окажем нажим на них с другой стороны: пустим слух в этой среде о приезде крутого покупателя героина из Махачкалы и продавцов. Якобы нашел он их в Семипалатинске, собирается быстро забрать товар и уехать.

VI

– Петр, это я. Ну, что вы, надумали?

– Да, Рустам. Надо бы встретиться. Где?

– Летнюю площадку знаешь, по дороге к горам, по Талгарской трассе, «Караван» называется. Там, через час.

Ах, какой скандал закатил Рустам Петру на летней площадке – это надо было слышать, или присутствовать при этом. Вы мне не доверяете, вы меня дискредитируете перед другими продавцами, да я плюну сейчас на вас и уеду. У меня есть, у кого купить, дешевле много. В общем, так. Цену не снижаете, за недоверие – до свидания, я вас знать не знаю и, вообще, в первый раз вижу.

Клюнули. Айдар понял это сразу, как только Петр начал нервничать: звонил кому-то по мобильнику, четырежды отлучался в туалет.

– Значит, так. Я сейчас уеду, а ты посиди, подожди. За тобой придут.

– Жду.

Петр ушел. А его начало колотить.

Успокойся, Айдар, успокойся Ага... идет какой-то чайник... похоже, от них. Точно, он!

Братан, – смуглый, крепкий парень. Джинсы, кожаная куртка, кроссовки, похоже, индийские, рост выше среднего, особых примет нет, брови дугообразные, нос прямой, с горбинкой, – машинально отметил Айдар.

– Свою машину закрой, оставишь здесь, заберешь потом. Садись вон в ту бежевую «Ауди». Поедем. Бабки с собой есть?

– Есть немного.

VII

– Ты посиди в машине. Хорошо?

– Да, посижу, уж...

Ушел. Долго не возвращался. Айдар засек – 30 минут. Понял, что братки решают. Да-а, с такими тугодумами в управленческих вопросах тяжело работать. Подумал и рассмеялся вслух – нервы, наверное.

– Ну, че, братан, пойдем.

– Пойдем.

Зашли в уютный, комфортно обставленный частный дом. Сидит, напротив, интеллигентного вида то ли кавказец, то ли азиат. Заговорил на фарси:

– Деньги на стол.

– Проверил? Не фальшивка?

– Конкретно, братан.

– Товар где?

– Получишь завтра.

– А гарантии?

– Мамой клянусь.

– Слушай, мне с твоих клятв масло с хлебом не кушать. Я плачу бабки и жду. Здесь и сейчас.

– Какой ты шустрый, братан.

– Завтра будет поздно. Или – товар, или – я забираю деньги и уезжаю.

– Слушай, не горячись. Я пойду, узнаю. Ушел.

«Сука такая, – подумал Айдар, – не знает же, сволочь, что на нервах я. Один, не дай бог сорвусь».

Не сорвался, однако. Выдержал.

– Значит, так: мы звоним завтра, ты приехал, с бабками, понятно? А часть из этих оставь в задаток.

– Охрану возьму. Что-то вы меня нервируете.

- Бери. Не больше двух бойцов только. Понял?
- Не дурак, наверно. Ладно, ухожу, только до машины моей довезите.
- А мы уже ее подогнали. У ворот стоит.

VIII

На встречу с Айдаром, назначенную на 6.30 утра, вышел младший Ходжанов. Узнал его Айдар по фотографии, двое сопровождавших Ходжанова остались в машине. Заговорил на фарси:

– Так, у меня с собой только пробная партия товара. Остальное подвезут в течение дня.

Прокололся-таки, – машинально отметил Айдар. Бабки на капот и забирай.

– Сколько здесь?

– Два килограмма триста тридцать граммов. Не веришь – перевесь, но, видишь, все в фирменной упаковке.

– Хорошо. Вот деньги, но плачу по факту.

Сказал и нажал на кнопку сотки, которую держал в руках: сигнал для группы захвата.

А завтра: «И был день, и был вечер, и было утро. А, может, наоборот... Как там, в Библии?» – ждет Айдар. Ждут и ребята Лясова... Сидят в засаде на трассе Бишкек-Алматы: Неужели, пролетели? Как стая рашпилей..? Нет, вот они.

Потом, после операции старший опер капитан Пчелинцев колоритно живописал:

– Идет красавица, корролочка-тойоточка, за ней и узик-джипеночек, номерки-то с буквой «Д», а там – четверо мордovorотов: «Машины диппредставительства. Не имеете права».

– Имеем, вот постановление. Освободите салон. Понятые, сюда. Орлы, отдышаем. Малейшее движение – не в вашу пользу.

Что мы из джипа вытащили! Плотно упакованные в полиэтилен пакеты с героином, маркировка на них: 777 и 999, да еще и с львиными головами. Тряхнули «Тойоту», а там – то же самое. Больше 60 килограммов вытащили.

– Хозяин машин?

– Камбаров, арендаторы – посольство. Начинаем мордovorотов трясти, а те в шоке, не думали, что мы машину с дипномерами досматривать будем, называют адрес одного гаража в районе Нижней Пятилетки. Мы туда – там еще 10 кг. Это какие же бешеные деньги – миллионы долларов!

IX

– И все-таки знаешь, Айдар, я не пойму одного.

– Чего, пап?

– Как может человек, в общем-то не их бедных, уважаемый, занимающий дипломатический пост советника торгового представительства, пробавляться банальной уголовщиной – возить наркотики?

– Папа, поверь, не он первый, не он последний. Наркотики – это деньги, а деньги – это власть. Для него, быть может, именно в этом-то и состоит самореализация. А на полумертвые судьбы несчастных наркоманов и наркокурьеров – безработных и домохозяек, везущих эти наркотики за мизерную плату, порою в собственных желудках, ему просто наплевать. Это так, мусор. Наркотик вымывает из человека

собственно человека. Это жуткое, подобно фильму ужасов, состояние. По сути – смертный приговор. А таким, как этот дипломат, как Камбаров, Ходжановы и им подобные, повторяю еще раз, – наплевать.

– Кстати, каков же финал?

– А его нет пока. Ходжановы, Бакиров и иже с ними – под следствием. Советник торгпредства тоже. Камбарова, опять-таки, зацепить нам не удалось, но у него беда другая: большая часть товара шла в Россию, а деньги за него покупатели уже проплатили. Так что он теперь в бегах, ибо в их среде законы волчьи. И я, честно говоря, не удивлюсь, если в один прекрасный день Камбарова настигнет пуля наемного киллера. Я не кровожаден, но это будет закономерный финал его карьеры, возможно, в назидание другим. В их мире – свои законы, а наши, к сожалению, не всесильны. Вот так-то, Мурат Закиевич.

– Понял, может, пока мать не видит, пойдем втихаря на балконе покурим?

– Тебе же нельзя...

И в этот момент у Айдара мелодично запел сотовый:

– Я слушаю.

– Это оперативный дежурный департамента КНБ старший лейтенант Романов. Айдар Муратович, вы не могли бы срочно приехать? Вас вызывает генерал Ибраев, машина за вами уже отправлена.

22.45, – автоматически отметил Айдар, – значит, что-то экстраординарное.

Шайбаков Артур Рауфович родился в селе Верхние Киги в Башкирии в 1955 году. В 1958 году вместе с семьей переехал в Караганду. Окончил филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова, преподавал в вузе, служил в органах КГБ-КНБ. В настоящее время полковник в отставке, литературный редактор издательства. Имеет ряд публикаций в открытых и закрытых источниках, посвященных проблемам реабилитации жертв сталинских репрессий и борьбе с терроризмом.

